

Е.В. Потёмкина, И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

**Достоевский в восприятии носителя иной культуры:
интерпретационные константы.
Статья 3. Особенности рецепции произведений Ф.М. Достоевского,
отраженные в зарубежной литературной критике**

Аннотация: Статья является продолжением цикла работ, посвященных вопросу о восприятии творчества Достоевского инофонами (первые две статьи были опубликованы в журнале «Stephanos» в 2024 г.). В ней интерпретационные константы – изложенные в сжатой форме идеи, мысли, направления исследования, оценочные суждения и т. п. относительно рецепции творчества Достоевского – выводятся на материале работ зарубежной (европейской, американской, японской и китайской) достоевистики. К таким константам относятся, например, следующие: ‘Произведения Достоевского – результат его отчаяния’; ‘Мотив самоубийства пронизывает все творчество и жизнь Достоевского’; ‘Слишком сложно для понимания носителем иной культуры’; ‘Все герои Достоевского, как и он сам, больные люди’ и т. п. Следующая, завершающая статья цикла будет направлена в основном на классификацию интерпретационных констант, выявленных в ходе анализа многочисленных отзывов рядовых зарубежных читателей Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, интерпретационная константа, реинтерпретация, зарубежная литературная критика

E.V. Potemkina, I.V. Ruzhitsky (Moscow, Russia)

**Dostoevsky in the Perception of a Bearer of Another Culture:
Interpretative Constants.
Article 2. Features of Perception of Fyodor M. Dostoevsky’s Works
Reflected in Foreign Literary Criticism**

Abstract: The article develops the basic ideas discussed in the series of works devoted to the issue of perception of Dostoevsky’s work by foreign speakers (the first two articles were published in the “Stephanos” magazine in 2024). In it, the interpretive constants – the ideas, thoughts, research directions, value judgments, etc. regarding the reception of Dostoevsky’s works set forth in a concise form – are derived from the material of works of foreign (European, American, Japanese and Chinese) science studying the creativity of Dostoevsky. Such constants include, for example, the following: ‘The works of Dostoevsky are the result of his despair’; ‘The motive for suicide permeates all of Dostoevsky’s works

and life'; 'Too difficult for the bearer of a different culture to understand'; 'All the heroes of Dostoevsky, like himself, sick people', etc. The next, final article of the cycle will be aimed mainly at classifying the interpretive constants identified during the analysis of numerous reactions and expressions of appreciation of ordinary foreign readers of Dostoevsky.

Key words: Dostoevsky, interpretative constant, reinterpretation, foreign literary criticism

Настоящая статья является продолжением исследования, посвященного особенностям рецепции Достоевского носителями иной культуры (см. [Ружицкий, Потёмкина 2024; Потёмкина, Ружицкий 2025]). Под рецепцией в данном случае не обязательно понимается чтение, так как восприятие творчества Достоевского носителями других языков и культур может происходить как на основе оригинального литературного произведения (первичного текста), так и на основе какой-либо его интерпретации или реинтерпретации (вторичного текста) – пересказа, критической статьи, диссертации, фильма, комикса, анекдота по мотивам творчества Достоевского и т. д. При этом та или иная интерпретация довольно часто становится первичным текстом, она проще для восприятия, чем оригинал, и может заменять первичный текст в инокультурном пространстве. Иными словами, человек сначала обращается, например, к фильму, снятому по произведению Достоевского, а уже потом – и это в идеальном случае – к переводам произведений писателя, даже лучшие образцы которых всё равно искажают оригинальный текст. Несомненно, литературная критика и мнения о Достоевском известных личностей: философов, писателей, политиков, религиозных деятелей и т. д. – имеют в данном отношении первостепенное значение. Ср. с формулой Т. Манна: «Достоевский, но в меру» [Достоевский во Франции 2022: 124], высказыванием Ю. Кристевой: «Достоевский, но только через посредника» [там же], а также с признанием современного английского автора Зэди Смит: «Набоков приучил меня презирать Достоевского. Досадная ошибка, которую я сейчас исправляю» [Смит, Бабяшкина 2019: 20].

Для наименования генерализованного суждения, отсылающего к творчеству Достоевского, которое выявляется при анализе вторичных текстов, мы используем термин «интерпретационная константа», или «ИК» (см. [Ружицкий, Потёмкина 2024]). Отличительными особенностями ИК выступает сжатая лаконичная форма и фигурирование в текстах различных жанров. Например, одно из наиболее константных суждений о Достоевском *Любил смерть и страдание больше, чем жизнь* воплощается сразу в нескольких видах искусств, становясь всё более устойчивым в сознании новых поколений (см. интернет-мемы, а также [Гурьянова, Синегубова 2023]).

В предыдущей статье мы проиллюстрировали ИК восприятия творчества Достоевского на материале художественных фильмов, телесериалов (ф) и театральных постановок (т). Назовём некоторые из уже выявленных ИК.

(1) 'О самом Достоевском':

Создал универсальный образ преступника; любил смерть, страдание больше, чем жизнь; без Д. невозможно понять Россию и русский характер; больной, эпилептик; русский Фрейд; биография Д. нашла прямое отражение в его творчестве; не любил никого из представителей других наций; проповедник мирового христианства; описывает изменённое сознание человека в момент катастрофы; борец за справедливость, социальное равенство...

(2) 'О произведениях Достоевского' и 'О героях Достоевского':

Д. изображает бедных и слабых; все герои Д. в той или иной степени больны; все поступки героев обусловлены либидо; эротизм – главный ключ к духовным тайнам Д.; Слишком сложно для понимания носителем иной культуры; произведения Д. страшные; в произведениях Д. действуют трансцендентные силы; «Преступление и наказание» – главный роман Достоевского... (см. [Потёмкина, Ружицкий 2024])

Перечисленные ИК свидетельствуют о том, что в кино и в театре главный акцент в процессе интерпретации делается на фигуре автора, а из произведений наибольший интерес вызывает роман «Преступление и наказание» (в речи персонажей фильмов чаще всего делаются отсылки к именам *Достоевский* и *Раскольников*), что, безусловно, вовсе не исключает проявления интереса и к другим произведениям Достоевского, в первую очередь – к романам «Униженные и оскорбленные», «Ирок», «Идиот», «Братья Карамазовы» и «Бесы».

Настоящая статья направлена на обобщение результатов анализа литературно-критических работ, отзывов писателей, а также некоторых ученых и мыслителей, высказывавших свое мнение о Достоевском. В отличие от режиссеров театра и кино, зарубежные критики, философы и писатели, что вполне закономерно, большее внимание уделяют интерпретации литературной составляющей феномена Достоевского, хотя, как будет показано ниже, отнюдь не ограничиваются ею.

Почва для восприятия и оценки Достоевского на Западе готовилась давно (см. [Феномен Достоевского 2019]). Первый перевод на немецкий язык отрывка из «Бедных людей» появился еще в 1846 г., практически сразу после публикации романа (правда, вышел этот перевод в петербургской немецкоязычной газете «Sankt-Petersburgische Zeitung»), а массовое знакомство Европы с произведениями писателя началось уже после его смерти; по данным П.Е. Фокина, «за 20 лет было осуществлено 146 переводов Достоевского на 19 европейских языков» [Фокин 2021: 64]¹. Что касается истории изучения творчества Достоевского на Востоке, то, например, на японский язык (с английского) первым в 1892 г. был переведен роман «Преступление и наказание» (без эпилога), на китайский язык еще спустя три десятилетия – рассказы «Честный вор» (пер. 1920), «Елка и свадьба», «Мальчик у Христа на елке» (пер. 1921), «Мужик Марей» (пер. 1925) и др. В США Достоевский получил более или менее широкую известность благодаря спектаклю «Братья Карамазовы» Ж. Копо и Ж. Круэ в театре «Гаррик» (на фр. в 1911, пер. на англ. в 1927).

¹ «Преступление и наказание» было переведено на немецкий в 1882 г., на французский – в 1884 г. В Аргентине первое сообщение о Достоевском было опубликовано в 1881 г., а первый перевод появился в 1900 г.: «El árbol de navidad de los pobrecitos» («Мальчик у Христа на елке») (см. [Морильяс 2021]).

Наибольшую популярность в конце XIX – начале XX в. Достоевский приобрел в Германии и во Франции. А влияние французской достоевистики уже распространилось по всему миру. Так, в 1886 г. появилась книга Э.-М. де Вогюэ (с 1877 до 1882 прожившего в Петербурге) «Русский роман», где раздел, посвященный Достоевскому, назывался «Религия страдания», что в определенной степени уже свидетельствует о некоторой оценочной установке в восприятии русского писателя французским критиком. Приведем некоторые суждения Вогюэ, на которые обратил внимание А. Жид: «Я лишь ставил себе задачей привлечь внимание к писателю, знаменитому там, почти неизвестному здесь <во Франции>»; «попытка сделать для нас [французов] понятным этот [русский] мир» приводит автора в отчаяние; «он [Достоевский] не дает отдыха; он утомляет, как чистокровные лошади, которые не могут устоять на месте <...>. Читатель должен чувствовать себя внутренне обессиленным»; «Среди русских очень немногие имели мужество прочесть до конца эту бесконечную историю [роман “Братья Карамазовы”]» (цит. по: [Жид 1994: 8]. Как отмечает А. Жид, «при всех своих явно добрых намерениях, [Вогюэ] дает нам плачевно обедненный, неполный и тем самым искаженный образ» Достоевского [там же]. И такое искаженное оценочное восприятие писателя до сих пор остается актуальным для многих иностранцев: *Д. невозможно понять (даже русские не понимают Д.) или Книги Д. можно понять, только находясь в отчаянии*². Ср. у Г. Гессе («О Достоевском», 1925): «Достоевского надо читать, когда мы глубоко несчастны, когда мы исстрадались до предела наших возможностей и воспринимаем жизнь, как одну-единственную пылающую огнем рану, когда мы переполнены чувством безысходного отчаяния» (цит. по: [Пчёлкина 2021: 94]). Состояние отчаяния достаточно часто используется и при описании жизни самого Достоевского: «Но, быть может, эта переписка обманывает нас, рисуя нам в вечном отчаянии того, кто писал только тогда, когда был в отчаянии...» [Жид 1994: 13]; «Достоевский истязает себя в своем творчестве, и поиски креста есть движущая сила поведения и поступков главных его героев» [Аллен 1996: 170]; С. Цвейг: «“Белые ночи” последняя вещь, которую он создал как свободный человек <...>. Навсегда он замурован в темнице литературы; целую жизнь раздаются отчаянные мольбы заключенного об освобождении; но лишь смерть расковывает его цепи» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 195]); П. Нори: «...Достоевский, пребывая в самом отчаянном положении, начинает писать “Преступление и наказание”» [Нори 2024: 252]; Д.Л. Джексон: «Христос не мог их любить: Он их терпел <...>, размышляя над этими словами [Версилова], понимаешь, как никогда раньше, из каких глубин отчаяния из-за человека и Бога возникли искусство и вера Достоевского» [Джексон 1995: 14].

В результате в западных литературно-критических работах, посвящённых Достоевскому и его творчеству, образуется довольно устойчивая ассоциативная цепочка-искажение *Достоевский* → *отчаяние* → *самоубийство* (при том что произведения Достоевского никогда не производили эффект Вертера). «Ирвинг Тэйлор утверждает, что творческие личности, работавшие в ситуациях огромных личных трудностей и величайших социальных ограничений (достаточно вспомнить Галилея, Ницше, Достоевского, Фрейда <...>), вероятно, обладали настолько развитой способностью саморефлексии, что острее большинства из нас ощущали экзистенциальную ситуацию человека и космическое безразличие вселенной. <...> с яростью, рожденной отчаянием, погружались в творческие усилия. Бетховен с опре-

² Сам Достоевский, по замечанию Г.М. Фридендера, различал два типа литературы – литературу красоты (Гомер, Рафаэль, Пушкин) и литературу отчаяния (Шекспир, Рембрандт, Гоголь), но – в другом значении (см. [Фридендер 1972: 109–112]).

деленностью говорил, что искусство удерживает его от самоубийства <...>» [Ялом 1999: 499]. В основе подобных суждений лежит ИК *Произведения Д. – результат его отчаяния; Мотив самоубийства пронизывает всё творчество и жизнь Д.* Несколько иное отношение к теме самоубийства у японских и китайских литературных критиков. Первые встраивают ее в контекст японской культуры, иногда связывая с собственными переживаниями (см., например, [Накамура 1997]), у вторых эта тема слишком большого интереса не вызывает, разве что в рамках конфликта коллективизма и индивидуализма или как отражение экстремального человеческого опыта (см., например, [Biange 2014]).

Ранее на материале зарубежных кинофильмов, снятых по произведениям Достоевского, нами уже была выявлена и проанализирована ИК *Слишком сложно для понимания носителем иной культуры* (см. [Потёмкина, Ружицкий 2014]). Логично предположить, что в киноискусство данная оценочная установка могла прийти именно из литературно-критических работ. Например, уже упоминаемый выше А. Жид, называвший Достоевского необыкновенным гением, писал:

«Достоевский обладал странным русским смирением, которая встречается в каждой русской душе (даже лишенной христианской веры) и которую никогда не поймет западный человек»; «Французский католик в силу своего правоверия никогда не будет слушать Достоевского»³; «Достоевский остается человеком, которым мы не знаем, как распорядиться» [Жид 1994: 13, 26].

Из письма Дж. Конрада о том, что Достоевский «слишком эмоционален» для западного читателя (1912):

«Дражайший Эдвард <Гарнет>, надеюсь, что ты не очень рассердился на меня за то, что я всё еще не поблагодарил тебя за “Карамазовых” <...> это лишь несуразная глыба бесценного материала. Страшно неудачно, слишком эмоционально и раздражающе. Кроме того, не знаю, что отстаивает или разоблачает Достоевского, но знаю твердо – для меня он чересчур русский. Во всем этом мне слышится некое подобие яростных воплей, идущих из глубины доисторических времен. Я понимаю, русские только что “открыли” его. Мои поздравления...» [Конрад 2000: URL].

С. Цвейг о непонимании западным читателем мотивов героев Достоевского:

«Здравому смыслу англичанина, американца, практического человека четверо Карамазовых должны казаться четырьмя видами дураков, весь трагический мир Достоевского – сумасшедшим домом» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 220]).

В. Вульф о том, какое впечатление производит на английского читателя тексты Достоевского:

³ Надо сказать, Папа Римский Франциск относился к Достоевскому с большим почтением и советовал всем католическим священникам читать произведения писателя. Достоевский, по его словам, «вдохновляет на христианство» (см. [Папа Римский... 2022]). Мотивы обращения религиозных деятелей, политиков и бизнесменов к Достоевскому могут быть самыми разными, чаще всего – познать Россию и русского человека (Джордж Буш перед поездкой в Москву читает «Преступление и наказание», Барак Обама в своих мемуарах пишет о том, что Достоевский помогает понять сложность человеческой души, Ангела Меркель – о том же...); украсить свою речь цитатой из текстов Достоевского (Си Цзиньпин, Эммануэль Макрон, Джузеппе Конте, Илон Маск) и др., однако в любом случае они большей частью определяются влиянием литературных критиков или советников, мнение которых в свою очередь, прямо или косвенно, тоже чаще всего сформировано под воздействием литературно-критических работ, посвященных Достоевскому. Так, президенту Бушу посоветовала прочитать «Преступление и наказание» Кондолиза Райс, его советник по национальной безопасности, считавшая «Преступление и наказание» книгой, которая поможет «лучше узнать русскую душу» (сама Райс изучала историю СССР в Стэнфордском университете, где и увлеклась творчеством Достоевского и Толстого).

«Против воли нас захлестывает, вращает, мы слепнем, захлебываемся, – и в то же время испытываем головокружительный восторг. <...> Вздымаясь на гребнях волн, зацепляясь и ударяясь подводные скалы, английский читатель не может не испытывать неудобств... В Англии правит не самовар, а за варочный чайник» (цит. по: [Достоевский глазами литературного Запада 1981: 223]).

Однако в конце XIX и в начале XX в. установка на загадочность и непознаваемость русского человека в большинстве случаев гармонично сочеталась в Европе, а также в Японии и США с высокой оценкой Достоевского и его творчества. Из большинства критических работ легко выводятся ИК *Гениальный писатель; Великий художник; Тонкий психолог; Человек – главная тема творчества Д.; Познал истину* и т. п.

А. Жид: «Он был из тех редких гениев, которые с каждой новой вещью делают шаг вперед, идут путем непрерывного совершенствования <...>. Эта кипучая старость не знает упадка так же, как старость Рембрандта или Бетховена» [Жид 1994: 31]; С. Цвейг: «Страшно подумать, как величайший русский писатель, гений своего поколения, вестник беспредельности, – без средств, без родины, без цели бродит из страны в страну» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 197]); Ф. Ницше: «Для задачи, лежащей перед нами, имеет большое значение свидетельство Достоевского – этого единственного психолога, кстати говоря, от которого я многому научился; он принадлежит к прекраснейшим случайностям моей жизни, к лучшим, чем, например, открытие Стендаля. Этот глубокий человек, который имел полное право невысоко ставить поверхностных немцев...» [Ницше 2019: 333]; Т. Манн: «Мог ли Пруст написать Раскольников, “Преступление и наказание”, этот величайший уголовный роман всех времен? Знаний бы ему, пожалуй, хватило, но вот сознания, совести...» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 282]); Г. Гессе: «...странно думать о том, какие художники считались великими европейскими писателями в ту пору, когда Достоевский уже писал свои произведения»; Т. Манн: «Читая его, пугаешься порой его всезнания, этого проникновения в чуждую совесть»; Утида Роан: «Прочитав “Преступление и наказание”, я словно ощутил удар грома, у меня закружилась голова, зазвенело в ушах <...>. Соприкасаясь с внутренним миром писателя, с его убеждениями, я ощутил великую силу художника» (цит. по: [Рехо 1987: 153]); Ш. Андерсон: «Во всей литературе нет ничего подобного “Карамазовым” – это Библия <...>. Этот человек не может нравиться, его можно только любить. Я всегда чувствовал, что это тот единственный писатель, перед которым я мог встать на колени» (цит. по: [Русская классика: pro et contra <...> 2018: 516]). Известно также, что Достоевским восхищался А. Эйнштейн: «Достоевский дал мне много, необычайно много, больше Гаусса» [Мошковский 1922: 162].

В это время в Западной Европе и особенно в Германии главенствовало неоромантическое направление изучения произведений «русского гения». Его представители увидели в книгах Достоевского образ всечеловека, который мог бы примирить противоречия современного западного общества. В.В. Дудкин и К.М. Азатовский отмечают: «...человек [того времени] лишен цельности и единства, его внутренние возможности разъединены. Все прочие свойства человеческой природы подчинил себе рассудок, имеющий лишь прагматическое применение, <...> поиски гармонии приводят их к романтизму, к романтически-мистическому “всемирному чувству”», при этом ими движет «мистическое чувство любви к своему первоначальному “я”, это обожествление в самом себе природы, которая воплощается у неоромантиков в иррациональной душе <...>. Эти поиски приводят их к “открытию” России, где неоромантический идеал “души” обретает свою реальность, – в “русской душе”» [Достоевский в Германии 1973: 688].

Созвучны такому взгляду на русского писателя и слова С. Цвейга, который весьма неоднозначно оценивал творчество Достоевского: «Русский человек охватывает всё в целом. Он хочет ощущать себя и жизнь, а не ее тень и отражение, не внеш-

ную реальность, а великие мистические основы, космическую мощь, чувство бытия <...>» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 217]. Р.М. Рильке, вдохновленный Достоевским, писал: «Русский человек показал мне столько примеров того, как тяжкие испытания и долгое порабощение, надолго подавляющее любую попытку сопротивления, не обязательно ведут к распаду души» [Криницын: URL]).

Именно в неоромантическом духе была написана и первая биография Достоевского на немецком языке Ниной Гофман. Согласно ее видению, раньше Запад испытывал страх перед необычным характером русского народа: «Когда мы читаем произведения французских, английских, итальянских, одним словом, европейских писателей, то мы настолько хорошо знаем их среду, или настолько свободно можем ее себе вообразить, что для нас не представляет затруднений дать ответ на вопрос, как каждый из них описывает людей. Но едва лишь мы пытаемся высказать суждение о произведениях русских писателей, как почва тут же уходит у нас из-под ног, мы видим незнакомую и трудноприемлемую для нас среду, а в ней – русского человека, которого мы должны прежде всего перевести на язык наших представлений о человеке, что далеко не так просто. И это чрезвычайно существенно. Мы имеем здесь дело с полуварварским началом, в котором, однако, скрыты молодые, еще не проявившие себя силы, с народом, который нам еще предстоит узнать и, узнав, пересмотреть кое-что наново» (цит. по: [Дудкин, Азадовский 1973]). Следует отметить, что концепт ‘страх’, иногда с определением *варварский*, является одним из наиболее распространенных в оценочных высказываниях о Достоевском на Западе. Ср.: «...этой зимой я много размышлял о душевных свойствах русского народа, благодаря выдающемуся психологу Достоевскому, на одну доску с которым, в том, что касается остроты анализа, некого поставить даже современнейшему Парижу. Благодаря ему учишься любить русских, а еще – учишься их бояться» (цит. по: [Брежнев: URL]).

Сам же Достоевский отмечал в «Дневнике писателя» за апрель 1876 г.:

«Самый полный переворот в политической жизни России наступит именно тогда, когда Европа убедится, что Россия вовсе ничего не хочет захватывать. Тогда наступит новая эра и для нас, и для всей Европы. Убеждение в бескорыстии России если придет когда-нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы. Убеждение это непременно наконец воцарится, но не вследствие наших уверений: Европа не станет верить никаким уверениям нашим до самого конца и всё будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить себе, до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев. Вот потому-то она очень любит утешать себя иногда мыслью, что Россия будто бы “пока бессильна”» [Достоевский 1981: 121].

Резюмируя сказанное, можно отметить, что Россия в лице Достоевского для западного читателя начала XX в. – непонятная, одновременно страшная и спасительная земля, где людьми движет иррациональное стремление к идеалу, и это противопоставляется европейскому прагматизму, «практическому человеку». Таким образом, легко выделяется ИК Д. и его героями движет иррациональное начало.

С точки зрения японского читателя, поведение героев Достоевского тоже иррационально, но уже по другим причинам (в этом можно, по всей видимости, найти отражение различия западной культуры совести от восточной культуры стыда). «В романе есть эпизод, где описывается, как в шумном кабаке пьяница громко рассказывает о своих домашних делах <...>. Мармеладов пусть мелкий, но всё же чиновник, и как же он может, хоть в пьяном виде, говорить публично о том, что

его дочь Соня получила желтый билет в полиции? И этого ничуть не стыдится! Это несовместимо с человеческой моралью» (цит. по: [Рехо 1987: 154]).

В целом же главное отличие западного и восточного восприятия Достоевского с конца XIX в. и до настоящего момента заключается, на наш взгляд, в том, что японские и китайские читатели (особенно, что легко объяснимо, китайские) часто видели в его произведениях прежде всего описания жизни угнетенных классов. В 1892 г., когда появился первый японский перевод «Преступления и наказания», Китакура Тококу написал статью, где он «ратует за литературу, которая была бы связана с народной жизнью и стала бы голосом народа» [там же: 155], символом его раскрепощения. ИК: Д. – борец за справедливость, социальное равенство.

Ким Чжон (южнокорейская предпринимательница, которая активно внедряет в свой бизнес элементы мировоззрения Достоевского): «Достоевский – это мой компас в бизнесе и в жизни. Достоевский заставляет меня не упускать людей за цифрами и графиками» [РИА Новости: URL].

Если проанализировать более поздние западные исследования творчества Достоевского, то можно обнаружить новое направление в восприятии и анализе текстов произведений писателя, а именно – через призму болезни, прежде всего душевной, что можно рассматривать как следствие повсеместного влияния на Европу того времени школы психоанализа. Тему болезни и сумасшествия в произведениях Достоевского (как и в отношении анализа особенностей личности самого писателя) европейские критики и раньше никогда не обходили стороной, однако в 1928 г., с появлением статьи З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство», она стала главенствующей.

В книге «Три мастера» С. Цвейг характеризовал Достоевского следующим образом: «Его <...> счастье – в спазме, в судороге, с пеной у рта»; «На грани между смертью и безумием приобретает особую, сомнабулически твердую мощь его творчество»; «После каждого припадка Достоевский погружался в граничащую с идиотизмом дремоту» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 203, 207]). Фрейд после прочтения этой книги писал Цвейгу: «Мне кажется, Вы не должны были оставлять за Достоевским приписываемую ему эпилепсию. Весьма маловероятно, что он был эпилептиком. Эпилепсия – органическое мозговое поражение вне душевного строя, и, как правило, связанное со снижением и упрощением проявлений душевной жизни <...> великие личности, которым приписывалась эпилепсия, были чистыми истериками <...> Думаю, что *всего Д. можно было бы построить на его истерию...*» (курсив наш. – Е.П., И.Р.). Далее Фрейд расширяет свой анализ уже на весь русский народ: «То, что Вы, во избежание искусственного слова, называете “дуализмом”, зовется у нас “амбивалентностью”. Эта амбивалентность чувств есть также наследие душевной жизни примитивного человека, сохранившаяся, однако, гораздо лучше и в более доступном сознанию, чем у других народов, виде, в русском народе, как я это мог показать несколько лет тому назад в детальной истории болезни подлинно-русского пациента» (речь идет о Сергее Панкееве, которому Фрейд поставил диагноз «невроз»). Исходя из превратного представления о детстве писателя, Фрейд рассматривает его произведения как способ избавиться от чувства вины из-за желания убить отца. При этом, по Фрейду, факт убийства приносит невротика чувство облегчения: «Преступник для него [Достоевского] – почти спаситель, взявший на себя вину, которую в другом случае несли бы другие. Убивать больше не надо, после того, как он уже убил, но следует

ему быть благодарным, иначе пришлось бы убивать самому» (см. [Феномен Достоевского 2019: 297–312]).

После появления интерпретации Фрейда, а также работы его ученика Иолана Нейфельда «Достоевский: психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда» (1925) мотив болезни в ее различных проявлениях пронизывает множество работ, посвященных анализу творчества Достоевского.

Следует также упомянуть вклад еще одного весьма известного психиатра, Чезаре Ломброзо, который в своей книге «Гениальный человек» рассматривает Достоевского в качестве примера «эпилептического гения, чья жизненная траектория полностью сформирована характерной психологией эпилепсии – импульсивностью, двойной личностью, инфантилизмом <...>, чередующимся с пророческим прозрением» (перевод наш. – *Е.П., И.Р.*) [Lombroso 1891: 348]. Эпилепсию итальянский психиатр приписывает и Раскольникову: по его мнению, у Раскольникова было «несколько эпизодов амнестически-эпилептических припадков» (цит. по: [Ghidini 2024: 987]; перевод наш. – *Е.П., И.Р.*).

Рассмотрим несколько примеров восприятия произведений Достоевского через призму болезни современными исследователями.

В книге Х.-Ю. Геригка «Литературное мастерство Достоевского в развитии» представлена следующая логика интерпретации образа преступника. Одна из глав в ней посвящена Раскольникову. Немецкий исследователь, во-первых, склонен видеть в убийстве для героя наслаждение. Именно этим объясняется желание Раскольникова после совершенного преступления вернуться в квартиру, где произошло убийство, – чтобы еще раз испытать чувство страха, «холод в спине», отсюда же и сон о смеющейся старухе: Раскольников хочет совершить преступление во второй раз и еще раз почувствовать ужас, после которого должно наступать чувство эйфории. При этом Х.-Ю. Геригк описывает чувства читателя, сопереживающего убийце: «Кое-кто из нас сожалеет, что Раскольников в конце концов проявляет слабость и сдается полиции» [Геригк 2016: 61], как будто в читателе, где-то в глубинах подсознания, всегда скрывается душегуб. Во-вторых, автор проводит параллель между Раскольниковым и Германом из «Пиковой дамы» и предлагает рассматривать всё, что произошло с Раскольниковым после того, как «часы пробили семь часов», как плод его больного сознания – вокруг Раскольникова «кружит логика бреда» [там же: 88]. В таком случае даже преступления могло не быть, всё это происходит лишь внутри головы Раскольникова, в бредовом сне, о котором он впоследствии вспоминает на каторге, но герой выбирает для себя путь наказания, так как не может вынести даже своих мыслей, своего намерения убить старуху. В этом, по мнению Х.-Ю. Геригка, проявляется невротическое расстройство Раскольникова-Достоевского: постоянное смятение, тревога, агрессия и подавленность выставляются напоказ, нарциссическому самолюбованию интеллекта противоречит нарциссическое самоуничижение.

В книге «Литературное творчество Достоевского» современный французский достоевист Ж. Катто «приводит тщательно составленную историю всех болезней, преследовавших писателя, равно как и недугов, которые постигали его персонажей. Зачастую болезнь Достоевского рассматривают как ключ к его творчеству, считая за отправную точку общую болезненность его персонажей» [Достоевский во Франции 2022: 97].

Само за себя говорит название статьи американского исследователя Т.Г. Марullo «Абьюзинг: “Неточка Незванова” и поэтика созависимости» (2015): «Они

[герои] никогда не учатся на своих ошибках; скорее, они пробуждают в себе страсти, которые позволяют им на мгновение жить в раю, но надолго в аду» (цит. по: [Эвальд 2023: 228]). Вслед за Марулло словацкий исследователь Патрик Лекеш также пишет о созависимости Неточки:

«Ефимова считали талантливым скрипачом, у которого потеря мотивации и алкоголизм привели к нищете. Несмотря на все неприятности, Неточка его любила даже больше, чем собственную мать <...>. У Ефимова также начинают проявляться проблемы с обществом, связанные с употреблением алкоголя (в финансах и семейных отношениях), которое приводит к т. н. крэйвингу <...>. С определенной долей вероятности мы можем утверждать, что любовь и уважение Неточки к отцу вполне перерастает впоследствии в созависимость» [Лекеš 2024: 47–48].

«Психоаналитическая» интерпретация логики поведения героев Достоевского представлена также в книге К. Аполлонио, где больными и ненормальными предстают уже герои самого первого романа «Бедные люди» Макар Девушкин и Варенька Добросёлова: «Но и у Макара Девушкина есть темная сторона, предвосхищающая самые темные и зловещие образы из последующих произведений Достоевского»; «То, что внешне выглядит как самоотверженное и нежное желание присматривать за попавшей в беду девушкой, может не менее убедительно истолковано как достойный осуждения вуайеризм»; «Влечение Вареньки к Покровскому представлено как готический роман ужасов, в котором переплетены страх сексуальных отношений и смерти»; «Существовал ли этот болезненный книголюб и незаконный сын где-либо, кроме фантазии Вареньки?» [Аполлонио 2020: 29, 32, 43, 44].

В своих рассуждениях об истоках происхождения персонажей Достоевского К. Аполлонио опирается также на работу А.Л. Бема «Драматизация бреда» (1938), в которой любовный треугольник в повести Достоевского «Хозяйка» рассматривается как эдиповская драма самого писателя: слабый юноша Ордынов (Достоевский) пытается спасти беззащитную женщину, Катерину (свою мать), от похотливого тирана Мурина (своего отца). Из подобных интерпретаций следует, что героями Достоевского, как и самим писателем, движут в первую очередь два мотива – убить или соблазнить.

Итальянский писатель Паоло Нори рассказывает о своем «развенчании» ИК Д. *хотел убить своего отца*: «Фрейд, не знавший Достоевского лично, приходит к заключению, что настоящим эпилептиком писатель не был, а его эпилепсия не что иное, как проявление невроза, вызванного подсознательным желанием убить отца <...>. Когда я приступал к работе над этой книгой, я думал, что сложнее всего будет разобраться именно с отцом Достоевского, но <...> все свидетельства, которые мне приходилось читать, сходятся на том, что атмосфера, в которой росли братья, и их отношения с отцом, не имеют ничего общего с тем, как они описываются у Фрейда...» [Нори 2021: 244].

Говоря об образе отца в творчестве «Достоевского-невротика», можно вспомнить еще одного итальянского психиатра, Луиджи Луджато. С его точки зрения, Дмитрий, Иван и Алеша Карамазовы, а также Смердяков наследуют от отца различные степени дегенеративных черт:

«Роман впервые и решительно поднимает вопрос о психоневропатической наследственности, проявляющейся в целой семье <...>. Влияние наследственности отца очевидно в Дмитрие, в то время как наследственная дегенерация Ивана проявляется в его атеизме и теоретическом отвержении всякой морали. У Алеши, с другой стороны, дегенерация проявляется в мистицизме. Самоубийство Смердякова приписывается не раскаянию или страху перед судом, а “краху психической стабильности”, “безумному

импульсу», характерному для тяжелых дегенератов» (цит. по: [Ghidini 2024: 993]; перевод наш. – *Е.П., И.Р.*).

Складывается впечатление, что, в отличие от неоромантиков, современные западные исследователи видят в Достоевском самооправдание преступных желаний и душевных расстройств человека. Часто это трансформируется в мотив мимолетного кошмара – например, многие фильмы строятся по аналогии с «Преступлением и наказанием» как пристальное наблюдение за сознанием преступника, но в конце оказывается, что это был лишь сон героя. Таким образом, грань между реальностью и фантазией (сном, бредом, плодом измененного сознания) практически исчезает, и человек остается в ощущении неопределенности или, по Фрейдю, амбивалентности. Таким образом, из «апостола души» Достоевский в глазах западных авторов превратился в невротика.

В японской литературной критике ИК *Все герои Д., как и он сам, больные люди* также присутствует: «Большинство его персонажей – вне зависимости от времени написания произведения – это слабые, приниженные и больные люди. Общественное мнение оценивает таких болезненных, неудачливых, бессильных, а временами и ненормальных людей только отрицательно, но Достоевский ненасытно продолжал описывать их, находя в их характерах и образе жизни кипящие чувства, драматизм, сложность, богатство. Поскольку в этих персонажах был и он сам» [Накамура 2011: 14]. В качестве ключевых терминов при анализе мотивов поступков героев Достоевского Накамура использовал слова «эпилепсия», «шизофрения», «мазохизм» и «садизм». Показательна в данном отношении и монография японского психиатра Коуити Огино «Достоевский: искусство и патология» [Ogino 1971].

Основанные именно на данной ИК оценочные суждения выявляются при анализе восприятия творчества Достоевского современными иностранными учащимися, многие из которых, если не большинство, всерьез полагают, что Достоевский был больным, сумасшедшим, и через его произведения болезнь и жестокость переносятся на читателя. Причем часто этот стереотип сформирован еще до того, как сами учащиеся прочитали какие-нибудь произведения писателя. Данный аспект восприятия творчества Достоевского будет более подробно рассмотрен в нашей заключительной, четвертой статье.

Душевная болезнь Достоевского часто сочетается в критических работах с описанием его внешней непривлекательности и неловкости (например, П. Нори о внешности писателя: «Сомневаться не приходится: перед нами господин, имеющий самый неприглядный вид» [Нори 2024: 47], и этот же телесный «разлад» переносится на его героев. Истоки подобного «взгляда» находим еще у Вогюэ: «У него лицо русскаго крестьянина, настоящее лицо московскаго мужика: приплюснутый носъ, маленькіе, мигающіе глаза, блестящіе порою мрачнымъ, порою мягкимъ огнемъ, широкій изрытый выпуклостями и морщинами лобъ съ вдавленными, какъ бы молоткомъ, висками, и всѣ эти натянутыя, судоржныя черты опускались къ скорбно сложеннымъ губамъ. Я никогда не видалъ на человѣческомъ лицѣ подобнаго выраженія скопившихся страданій. Всѣ духовныя и Физическія страданія положили на немъ свой отпечатокъ» [Вогюэ 1887: 66]. Луи Аллен пишет: «Раскольников чувствует себя неловко в своем теле, не сживается с ним. В самом деле, Достоевский имел особое пристрастие к тем из своих героев, которые плохо ладили со своим телом. Он, наоборот, испытывал глубокую неприязнь, почти отвращение к тем людям, которые щеголяли своей физической си-

лой); «Отношение Достоевского к собственному телу становится объективным измерением действительности мира» [Аллен 1996: 24, 30]. И в этом проявляется общерусский тип: «В его понимании Востока и Запада, европеец, и точнее француз, противопоставляется именно русскому как тип, обладающий великолепно определенными формами, установленными раз и навсегда. Русский же наоборот никак не может подыскать себе подходящую форму, потому что “слишком богато и многосторонне одарен”» [там же: 26].

Еще одна ИК, которая выводится из текстов различных литературно-критических работ как на Западе, так и, правда, значительно реже на Востоке и в основе которого лежит искажение восприятия, – *Д. был развратником* – во многом основывается на стереотипном представлении иностранцев о России, согласно которому в каждом русском есть карамазовское начало – стремление к безудержному разврату, метания души между двумя безднами – идеалом содомским и идеалом Мадонны. Г. Гессе писал: «Уже пол-Европы, уже, по меньшей мере, половина Восточной Европы находится на пути к хаосу, мчится в пьяном и святом раже по краю пропасти, распевая пьяные гимны, какие пел Дмитрий Карамазов»; русский человек давно распространился в Германии, и он «не сводим ни к истерике, ни к пьянице или преступнику, ни к поэту или святому, он – совокупность этих свойств» (цит. по: [Пчёлкина 2021: 96]). Коити Итокава, анализируя роман «Бесы», упоминает слова С. Кузнецова «умиление, вызываемое слабостью другого, есть зачастую оборотная сторона садистической жестокости» и добавляет: «Де Сад и Достоевский здесь встречаются друг с другом». Чарльз Буковски: «Мой Достоевский – бородатый, тучный чувак с темно-зелеными таинственными глазами <...>. Даже представляю Достоевского страждущим маленьких девочек». С. Цвейг описывает жизнь Достоевского следующим образом: «Сибирь, каторга, эпилепсия, нищета, бешеный азарт, сладострастие – все эти ужасы его существования, благодаря сверхъестественной силе переоценки, становятся плодотворными для его искусства»; «Он любит свои пороки, свою болезнь, игру, свою злобу и даже сладострастие, потому что оно является метафизикой плоти, – это желание бесконечного наслаждения <...>. Достоевский стремится к дионисийскому идеалу»; «Кто создал Федора Карамазова <...>, тот сам должен был пережить самые низкие формы чувственности, ибо необходимо духовно любить разврат»; «Бог и зверь уживаются рядом в одном теле» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 204, 211–213]). По замечанию того же автора, Кириллов, Шатов, Раскольников, И. Карамазов «играют, пьют, развратничают... с фанатическим иступлением. Скорбь гонит их к пороку... Они пьют не ради удовольствия и крепкого сна, как немцы, а ради самого опьянения, ради забвения своего безумия...» [там же: 225]). При этом, если вспомнить произведения Достоевского, то можно сильно удивиться, ведь чаще всего эти склонные к рефлексии персонажи пьют... чай. Очевидно, что здесь оказывает свое влияние известный стереотип *Все русские пьяницы и развратники*⁴ и ИК творчества Достоевского *Все герои Д. охвачены безумием и развратом*. В китайской литературной критике мы не обнаружили такой ИК, а вот у японского писателя, Акутагавы Рюноскэ, высоко чтившего Достоевского и во многом ему подражавшего, в письмах и эссе схожая ИК просматривается (см. [Акутагава 1992]). Иначе, наверное, и невозможно: мать Акутагавы страдала

⁴ Ср. высказывание южнокорейского композитора Чонг Бобби: «В последнее время из-за климатических изменений в Сеуле зима иногда бывает холоднее, чем в Москве. Если в такой зимний морозный вечер я, напившись водки, вернусь домой и усну, читая роман Достоевского, может быть, мне тоже будет сниться такой же сон, какой и русским» (цит по: [Багно 2021: 11]).

психическим заболеванием, и, когда будущему писателю исполнилось 8 месяцев, ее положили в психиатрическую лечебницу, сам же Акутагава в возрасте 35 лет покончил с собой.

Обозначенные выше ИК, на наш взгляд, свидетельствуют об общем механизме человеческого мышления, который заключается в стремлении свести большой объем информации к некоторой понятной формуле. Именно этим объясняется частая попытка стереть границы между различными текстами Достоевского и анализировать не образ конкретного героя конкретного произведения, а некий собирательный образ – преступника, жертвы, женщины и др.

Наконец отметим ИК, которая фиксируется только в текстах литературно-критических работ, – *Д. азиатский писатель*. Например, Г. Гессе видел в творчестве Достоевского «возвращение к праматери, возвращение в Азию». С точки зрения Гессе, через возвращение к азиатским корням можно преодолеть «закат» Европы, и Достоевский как носитель этого знания может дать новый свод ценностей, новую мораль (еще раньше Ницше писал о том, что Достоевский способен «утолить жажду, которой томится Европа»). Гессе убежден, что Россия Достоевского может научить европейцев усвоить «пассивные», «азиатские добродетели» (цит. по: [Пчёлкина 2021: 95]).

С этой точки зрения интересны размышления самого Достоевского о том, что «русский не только европеец, но и азиат <...>, если есть один из важнейших корней, который надо бы у нас оздоровить, так это именно взгляд наш на Азию. Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы» [Достоевский 1984: 33]. Вообще, стремление включить или исключить из своего культурного поля Достоевского, признать или не признать его западным или каким-либо еще писателем, – наиболее «подвижная» ИК. Являясь эмблемой русского мира, Достоевский часто выступает как маркер мирового социокультурного фона.

Отличительной особенностью многих литературно-критических работ о Достоевском является то, что их авторы стремятся, в меру своих возможностей, т. е. в большинстве случаев читая Достоевского в переводах, анализировать язык писателя. Помимо названных выше групп ИК выделим еще одну – ‘О языке Достоевского’, к которую входит, например, ИК *Для текстов Д. важен ритм*. Так, С. Цвейг: писал: «Весь характер героя у Достоевского – в ритме его речи. И это сгущение характеристики обычно достигается в его гениальной интуиции какой-нибудь мелкой деталью, нередко одним словом» [Цвейг: URL]. К этой же группе можно также отнести ИК *Д. гений, который писал плохо*, выводимую из следующих оценочных высказываний: Э. Хемингуэй: «Я вот думал о Достоевском, – сказал я [автор]. – Как может человек писать так плохо, невероятно плохо, и вызывать у тебя такие сильные чувства?» [Хемингуэй 2011: 138]; А. Жид (о письмах Достоевского): «Достоевский, так прекрасно умеющий говорить от чужого лица, затрудняется, когда ему надо говорить от своего лица; кажется, что мысли ложатся под его перо не одна за другой, а одновременно, или что, подобно тем “ветвистым ношам”, о которых говорил Ренан, они царапают его, пока он извлекает их на свет, и за все цепляются по дороге <...>. Достоевский <...> пишет здесь, как попало, должно быть, ничего не вычеркивая, но постоянно перебивая самого себя, стараясь сказать как можно скорее, на самом деле бесконечно затягивая» [Жид 1994:11]; П. Нори: «Достоевский, когда-то самый обычный студент, позднее, в июне 1845 года [изд. «Бедные люди»], в одночасье превратившийся в Фёдора Михайловича Достоевского, довольно скоро,

уже в 1846 году [изд. «Господин Прохарчин», «Двойник»], снова стал заурядным писателем и, вероятно, так и остался бы, если бы 22 декабря 1849 года с ним не произошло очень странное событие» [Нори 2024: 142].

В статье мы ничего не сказали о латиноамериканской достоевистике, имеющей, безусловно, свои традиции, в основном в Бразилии, Мексике и Аргентине, где Достоевский – один из самых любимых русских писателей, оказавший несомненное влияние на национальную литературу, чем и определяется основное направление исследований латиноамериканских ученых – проблема сопоставления творчества Достоевского с национальными писателями и проблема перевода текстов Достоевского на испанский и португальский языки. Что касается ИК, которые можно выделить в трудах латиноамериканских ученых, то они в целом, как нам представляется, сформированы под влиянием французской школы (см., например, работы Лауры Перес Дьятто, Алехандро Ариэля Гонсалеса, Жорди Морильяса, Паулу Безерра, Фатимы Бьянки и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы вовсе не претендуем на то, чтобы в одной статье на материале зарубежной достоевистики выявить все ИК восприятия творчества Достоевского, однако в целом можем предположить, что обнаруженные нами ИК характерны для большей части литературно-критических работ иностранных ученых. К ним относятся следующие: *Произведения Д. – результат его отчаяния; Мотив самоубийства пронизывает всё творчество и жизнь Д.; Слишком сложно для понимания носителем иной культуры; Гениальный писатель; Человек – главная тема творчества Д.; Познал истину; Д. – борец за справедливость, социальное равенство; Все герои Д., как и он сам, больные люди* и др. О Достоевском писали и продолжают писать очень много, однако в основе написанного, за исключением некоторых деталей, лежит довольно ограниченный перечень общих идей. Нарращивание смыслов, интерпретаций, фантазий в некоторых случаях привлекательно, забавно, интересно, только при этом не могут не возникнуть вопросы «А что дальше?», «Какую научную ценность всё это представляет?» и «А где новые идеи, где новые интерпретационные константы?». Впрочем, то же можно сказать не только о достоевистике, но и практически о любой гуманитарной области – философии, социологии, истории... Современное состояние гуманитарной науки характеризуется, по всей видимости, дефицитом концептуального мышления – не в психиатрическом его понимании (хотя иногда и в таком), но – в отсутствии новых оригинальных теорий.

ЛИТЕРАТУРА

Гурьянова А.М., Синегубова К.В. Интернет-мемы как индикатор прочтения произведений Ф. М. Достоевского // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. № 1: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-indikator-prochteniya-proizvedeniy-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 20.04.2026).

Достоевский в Германии (1846–1921). Обзор В.В. Дудкина и К.М. Азадовского // Ф.М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 659–740.

Достоевский во Франции: защита и прославление русского гения. 1942–2021 / Под ред. С.Л. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 432 с.

Кривицын А.Б. Достоевский в Германии XX века. Часть первая // Образовательный портал СЛОВО: <https://portal-slovo.ru/philology/46345.php> (дата обращения: 25.02.2026).

Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 2. Особенности рецепции произведений Ф.М. Достоевского, отраженные в зарубежном кинематографе и театре // *Stephanos*. 2024. № 5(67). С. 26–48.

Пчёлкина С.Ю. Герман Гессе: «Карамазовщина» как духовный исход европейской культуры // *Центр и периферия*. № 1. 2021. С. 94–97.

Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 1. Прологомены // *Stephanos*. 2024. № 3(65). С. 15–26.

Феномен Достоевского: западные исследования творчества писателя. М.: Фонд «Мир»: Академический проект, 2019. 720 с.

Фокин П.Е. Европа знакомится с Достоевским: из истории переводов произведений русского писателя // *Философские письма. Русско-европейский диалог*. 2021. Т. 4. № 3. С. 64–78.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

Акутагава Р. Слова пигмея: Рассказы. Воспоминания. Эссе. Письма. М.: Прогресс, 1992. 592 с.

Аллен Л. Ф.М. Достоевский. Поэтика. Мироощущение. Богоискательство. СПб.: Изд-во «Logos», 1996. 176 с.

Аполлонии К. Секреты Достоевского: чтение против течения. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 320 с.

Багно В.Н. Достоевский: вступая в третье столетие (взгляд изнутри на взгляд со стороны) // *Русская литература*. 2021. № 3. С. 5–11.

Брежнев А. Ницше о Достоевском. Из писем базельского профессора: <https://proza.ru/2025/10/31/1425> (дата обращения: 08.05.2026).

Вогюэ Э.-М. де. Русские писатели. Толстой – Тургенев – Достоевский. М.: Изд-е В.Н. Маракуева, 1887. 73 с.

Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых». СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Нестор-История, 2016. 320 с.

Гессе Г. Братья Карамазовы, или Закат Европы // *Письма по кругу: художественная публицистика*. М.: Прогресс, 1987. С. 104–115.

Джексон Р.Л. Завещание Достоевского. М.: КМК Ltd. 1995. 30 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 18: Статьи и заметки. Л.: Наука, 1978. 372 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 22: Дневник писателя 1876. Январь-апрель. Л.: Наука, 1981. 407 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 27: Дневник писателя 1881. Автобиографическое. Дуба. Л.: Наука, 1984. 410 с.

Достоевский глазами литературного Запада // *Новый мир*. 1981. № 10. С. 218–233.

Жид А. Достоевский. Томск: Водолей, 1994. 288 с.

Русская классика: pro et contra. Между Востоком и Западом: антология / Сост. Л.В. Богатырёва и др. СПб.: РХГА, 2018. 1072 с.: <https://russianway.rhga.ru/section/katalog/russkaya-klassika-pro-et-contra-mezhdu-vostokom-i-zapadom.html> (дата обращения: 10.05.2026).

Итокава К. Фёдор Достоевский: Преодоление самоочевидностей. М.: Макс Пресс, 2000. 102 с.

Конрад Дж. Письма // Иностранная литература. 2000. № 7: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/7/pisma.html> (дата обращения: 25.02.2026).

Морильяс Ж. Русский герой на аргентинской земле. Восприятие, влияние и переводы Ф.М. Достоевского в Аргентине // Литература двух Америк. 2021. № 11: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-geroy-na-argentinskoj-zemle-vozpriyatie-vliyanie-i-perevody-f-m-dostoevskogo-v-argentine> (дата обращения: 10.05.2026).

Мошковский А. Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира. М.: Работник просвещения, 1922. 210 с.

Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. 328 с.

Ницше Ф. Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов. М.: Изд-во АСТ, 2019. 352 с.

Накамура К. Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского. СПб.: Гиперион, 2011. 400 с.

Нори П. Невероятная жизнь Ф.М. Достоевского. Всё еще кровоточит. М.: АСТ, 2024. 352 с.

Папа Римский процитировал Достоевского // Редакция портала «Русский мир». 14.11.2022: <https://russkiymir.ru/news/307320/> (дата обращения: 07.05.2026).

Рехо К. Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. 354 с.

РИА Новости: <https://ria.ru/20250707/dostoevskiy-2027641846.html> (дата обращения: 26.02.2026).

Смит Э., Бабяшкина А. Зэди Смит: «Действие следующего моего романа будет разворачиваться в Москве» (интервью) // Читаем вместе. 2019. № 9. С. 18–20.

Фридлендер Г.М. Эстетика Достоевского // Достоевский – художник и мыслитель. М.: Художественная литература, 1972. 690 с.

Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М.: АСТ: Астрель, 2011. 286 с.

Цвейг С. Три мастера. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. М.: Республика, 1992: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/427741-40-stefan-cvejg-tri-mastera-triumf-i-tragediya-erazma-rotterdamского.html> (дата обращения: 10.05.2026).

Эвальд В.Д. Ф.М. Достоевский в зарубежных научных исследованиях XXI века // ДМКФ. 2023. № 2(22): <https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-v-zarubezhnyh-nauchnyh-issledovaniyah-xxi-veka> (дата обращения: 26.02.2026).

Ялом И.Я. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 576 с.

Biange Zh. Sovremennye inostrannye uchyonye o Dostoevskom: monografiya. Beijing: Peking University Press, 2014. 370 p.

Ghidini M.C. Luigi Lugiatò's «Madmen, deranged, criminals»: Dostoevsky and Italian Psychiatry after Cesare Lombroso // Studies in East European Thought. 2024. № 77(5). P. 981–997.

Lekeš P. Experts on the Human Soul: Fyodor Dostoyevsky and Lyudmila Petrushevskaya [Знатоки души человеческой: Федор Достоевский и Людмила Петрушевская] // Tudia Rossica Posnaniensia. 2024. Vol. XLIX/2. P. 43–57: <https://doi.org/10.14746/strp.2024.49.2.3>

Lombroso C. The Man of Genius. London: Walter Scott, 1891. 370 p.

Lombroso C. L'uomo delinquente in rapporto all'antropologia, alla giurisprudenza ed alla psichiatria. Milano: Bompiani, 2013. 2176 p.

Ogino K. Dosutoefusukii: Geijutsu to Byōri. Tokio: Kinno-hoshi sha, 1971. 230 с.

Сведения об авторах:

Екатерина Владимировна Потёмкина,
кандидат пед. наук
ст. преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Potemkina,
PhD
Senior Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kpisareva@yandex.ru

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

Igor V. Ruzhitsky,
Doctor of Philology
Associate Professor
The V.V. Vinogradov Russian Language
Institute RAS

konnitie@mail.ru